

С НИЖНИМ у Александра Грина связаны по меньшей мере три решительных эпизода жизни. Первый, в мае 1896 года, когда он, покинув родную Вятку, держал путь в Одессу, чтобы поступить в мореходные классы. Этой поездкой, писал Грин в «Автобиографической повести», он открывал серию «больших и малых колумбиад» в своей жизни. В «Автобиографической повести» есть одна странность: рассказав, как на пятый день плавания (пароход сел на мель) он приехал в Казань, автор далее пишет: «Город отстоит от Волги в пяти верстах, поэтому я не отправился осматривать город, а немедленно купил билет на пароход компании «Кавказ и Меркурий» до Нижнего Новгорода...» Затем говорится о встрече с какими-то подозрительными личностями, зазывающими его в трактир, и об ужении рыбы — подросток Гринеvский (ему к этому времени не исполнилось и шестнадцати), очевидно, в ожидании парохода купил удочку. Но дальше происходит что-то непонятное: «Я засунул удочку в штабель бревен и, захватив вещи, поехал с ними на извозчике на вокзал». И тут же передаются впечатления от впервые им увиденного поезда. Грин описывал поездку, совершенную в том возрасте, когда все запоминается до мелочей, например, он сообщает, что заплатил за билет до Одессы 12 рублей 80 копеек, но... здесь явно какая-то путаница! Купить билет до Нижнего, потом поехать почему-то на вокзал и купить билет на поезд до Одессы?!

Позднейшие комментаторы «Автобиографической повести» предполагают, что при издании была потеряна страница. От рукописи сохранились лишь отдельные листы, на одном из которых можно прочесть: «Смотреть выставку за два часа до отъезда было дикой затеей, однако я огорчился, совершив по городу круг в трамваях, опять попал на вокзал». Комментарий гласит: «По-видимому, дело было все-таки так: приехав в Казань, Грин отправился на конке в город, вернулся на пристань, сел на пароход компании «Кавказ и Меркурий», доехал до Нижнего Новгорода, хотел посмотреть здесь какую-то выставку, сделал на трамваях круг по городу и поехал на вокзал».

В. ХАРЧЕВ

Горький и Грин — — ПАРАЛЛЕЛИ

«Какая-то выставка» — это, разумеется, XVI Всероссийская торгово-промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде, открывшаяся в мае 1896 года. Корреспондентом с выставки был М. Горький, сотрудничавший в то время в «Самарской газете».

Таким образом, если что и вспомнилось Грину в «Автобиографической повести» о Нижнем, так это безвозвратно утеряно. Единственное из того, что осталось от «нижегородских» страниц — рассказ о том, какое неизгладимое впечатление произвел на него впервые увиденный паровоз. «Когда извозчик подъезжал к вокзалу, я увидел низко над землей два огненных глаза, силуэт трубы, услышал пыхтение, стук и догадался, что это есть тот самый паровоз, о котором я до сих пор лишь слышал и читал в книгах. Паровоз показался мне маленьким, невзрачным, я представлял его с колокольню высотой. Так же впоследствии был удивлен разрешением долго мучившей меня загадки вагонных ступенек. В одном из еженедельников я увидел как-то иллюстрацию — рисунок зимнего поезда; по тому, что рельсы были закрыты ступеньками и выступами вагонов, я решил, что ступеньки — это полозья для скольжения поезда по снегу».

Едва ли не основной мотив «Автобиографической повести» — столкновение книжно-романтической представлений героя с фантастически жесткой реальностью. Герой желает жить и упорно живет «по книге», стоически переносит многочисленные сны и шишки, которые ему наставляет неласковая действительность. Он не смиряется перед ней, неистовствует и бунтует. В конечном итоге, несогласие с действительностью приведет его к искусству как единственно приемлемой для него форме «идеальной жизни». Нижегородский паровоз — одно из первых впечатлений будущего романтика, показывающее, как он познавал и побеждал неизвестную реальность. «Момент отхода сильно взволновал меня. Все было ново: не то все кружилось вокруг, не то мчалось вперед; частый стук рельсов, новая обстановка, воображаемая неимоверная быстрота и боязнь крушения долго не давали мне спать. В эту ночь я еще не открывал дверь вагона, чтобы посмотреть, — не рещался; но в дальнейшем я, главным образом, сидел на площадке, свесив наружу ноги. Удивительно, как не украли мою корзину и одеяло».

ВТОРОЙ эпизод — в апреле 1901 года он вновь прибывает в Нижний, на этот раз в качестве матроса на барже вятского купца Бульчова. Прошло пять лет. За эти годы он плавал на пароходах «Платон» и «Цесаревич» по Черному морю, скитался в Баку, работал в вятских железнодорожных мастерских, пробовал стать охотником, был банщиком на станции Мураши, путешествовал по Уралу в надежде стать золотоискателем... Ничего не достиг, по-прежнему не устроен в жизни, не нашел своего признания, но, вступив в пору юности, не ожидая своего «исполнения желаний», начинает активно сопротивляться, вести индивидуальную борьбу с унижением человеческого достоинства.

Весной, как только начался разлив, он нанялся на баржу Бульчова за 10 рублей на своих «харчах» (два рубля удерживались до конца сезона). В Нижний Новгород баржа прибыла с грузом овса как раз к тому времени, когда шли приготовления к ярмарке. В них приняла участие и команда баржи — четверо матросов и водолив, — они тащали «подтоварник» и выкладывали его на берег. Население Нижнего, составлявшее тогда 90 тысяч человек, к ярмарке резко увеличивалось до 250 тысяч; шла массовая перевалка, распределение грузов. В числе этих людей и оказался Гринеvский с товарищами. «Мы, человек тридцать с разных барж, жили в деревянной казарме, спали на полу и питались единственно черным хлебом и супом из картофеля с луком», — вспоминал Грин в очерке «Тюремная старина», напечатанном уже после его смерти в журнале «30 дней» № 1 за 1933 г. Рыжий злой приказчик будил в четыре часа утра, невыспавшиеся, голодные люди поднимались с пола, сопровождаемые руганью; они молча терпели; но когда приказчик заставил своего двенадцатилетнего сына будить их, который с позволения отца открыто издевался над рабочими, — Гринеvский не стерпел. Проснувшись пораньше, он с помощью веревок приспособил нагой, который не минуемо должен был опрокинуться на того, кто первым придет их будить (в «Детстве» М. Горького есть подобный эпизод. Пешков пристроил над дверью половинку выдолбленного арбуза, который сидел на голову вошедшему учителю). И — «кипяток хлестнул по голове нашего угнетателя». На вопрос беснующегося приказчика, кто это сделал, ответил со свойственным ему мрачноватым спокойствием: «Это я». А когда приказчик приступил к нему, готовый к расправе, с еще большей выдержкой остановил его фразой: «Если ты меня тронешь, не быть живому тебе». Гринеvского рассчитали, на пустой барже он вернулся в Вятку. «Расчету получил два рубля». Прошло лето, и он ушел в солдаты, о своей службе он впоследствии скажет, что она прошла у него под знаком непрерывного бунта. Однако едва ли не первым его бунтом был бунт против рыжего злого приказчика в Нижнем Новгороде весной 1901 года.

Не совпала ли дерзкая выходка Гринеvского, защищавшего свое достоинство, с событием гораздо более значительным — в ночь на 17 (30) апреля 1901 года в Нижнем Новгороде после обыска был арестован и посажен в тюрьму М. Горький. Уже написана — в начале 1901 года — «Песнь о Буревестнике». Однако гораздо более нас интересует вот какой факт: знал ли Гринеvский, будущий писатель Александр Грин, к этому времени писателя М. Горького? Да, знал и довольно хорошо — настолько, что уже по-своему «делал жизнь» с него. Об этом говорит эпизод «Автобиографической повести» о том, как в начале марта 1901 года в пути на уральские золотые прииски он имел встречу в Глазове с инспектором Глазовского городского училища Дмитрием Константиновичем (у Грина — «Васильевичем») Петровым («мой бывший учитель в Вятском городском училище»); о нем Грин отзывается с большой симпатией, вспоминая его «доброе усталое лицо». «За обедом, затем за вечерним чаем мы много и горячо говорили о жизни, о литературе. Я прочел Петрову свои стихи, после чего он сказал: «Да, что-то есть». Затем спросил, нравятся ли мне рассказы Горького. Мне они нравились, и я воодушевленно отстаивал любимого тогда автора».

(Продолжение следует).